

— Конечно.

Цзин сразу же улыбнулся, и глаза его превратились в полумесяцы:

— Это же здорово!

— Это радостная весть, да?

— Угу! Князь Хуай звучит куда лучше, чем гун Чу! Князь — это хорошо! Князь — это сила! И князь второго ранга тоже хорош!

Цзи Ян рассмеялся. Действительно, изначально событие не казалось чем-то значительным, но, пройдя через его, Цзина, восприятие, и вправду превращалось в праздник.

Цзин подумал и выдвинул требование:

— Напиши мне книгу про князя Хуай и мужчину-призрака! Хочу прочесть! И чтобы ты сам написал, а не какой-нибудь книжник!

— .....

Цзин ухватил его за рукав и принялся трясти:

— Напишешь? Напишешь? Напишешь?..

Сердце девятого князя растаяло от такого обращения.

В душе он невольно вздохнул: в последние дни ему столько раз отказывали, когда он пытался приподнять полог, что он уже несколько суток не мог украдкой поцеловать своего малого призрака.

Цзи Ян кивнул:

— Напишу.

— Ты такой хороший! Ты славный человек! — Цзин отбросил книгу и в возбуждении ухватился за его рукав обеими руками.

Хотя подобное случалось бесчисленное количество раз, девятого князя это по-прежнему трогало, и он снова не удержался от смеха.

Отсмеявшись, Цзи Ян спросил:

— Моё возвышение до князя — всё же радостное событие. Как ты собираешься меня поздравить?

— А? — Цзин не понял.

— В мире людей, когда у друзей или родичей случается радость, они дарят друг другу подарки — чтобы разделить счастье и показать близость.

— Подарок? — Цзин задумался, потом улыбнулся. — У меня есть прекрасный кусок нефрита, я вырежу из него пятнистого оленя и подарю тебе!

Цзи Ян покачал головой.

Цзин нахмурился:

— Тебе не нравится?

— Нравится, но я хочу иной подарок.

— Например какой? Говори! — Он же богатый господин Цзин, разве не сможет дать что угодно?

Тогда Цзи Ян произнёс:

— Позволь мне поцеловать тебя.

— ... — Цзин заморгал, сморщил носик и, запрокинув голову, взглянул на него. — Нет!

— Почему?

— Я не глупый. Мы ведь развелись, а ты ещё недавно меня обижал. Не позволю тебе целоваться.

— А, так...

— Угу!

— Тогда, может, ты меня поцелуешь?

— Какая разница? — с недоумением поинтересовался Цзин.

— Конечно, есть разница. Мы развелись, и я не стану делать того, что ты мне запрещаешь. А вот ты можешь делать всё, что захочешь. Понимаешь? Если я тебя поцелую — ты в убытке. Если же ты меня поцелуешь — ты ничем не рискуешь. Ты же хочешь подарить мне то, что мне по душе? Поцелуй меня — и я буду счастлив, а твои правила при этом не пострадают. — Девятый князь вовсе «заговаривал зубы».

Цзин поразмыслил: вроде бы и впрямь логично. Они развелись, Цзи Ян его злит, поэтому он не позволяет ему целовать себя! Но сам-то он может поцеловать Цзи Яна! Счтём это подарком!

В конце концов, это же поздравление! Конечно, нужно дарить то, что нравится другому!

— Ну как? — спросил Цзи Ян.

Цзин снова потянул его за рукав, по-прежнему развалясь в кресле «Роза», и сказал:

— Подойди чуть поближе.

Цзи Ян машинально наклонился, сократив расстояние до Цзина до пары ладоней. Но Цзин вдруг отпустил рукав, упёрся в подлокотники, выпрямился и, подняв подбородок, «чмокнул» Цзи Яна в правую щёку.

«Чмокнув», Цзин рассмеялся, откинулся на спинку кресла и чинно спросил:

— Так?

Девятый князь молчал.

— Тебе понравился мой подарок?

Цзи Ян медленно выпрямился, опустил на него тяжёлый взгляд и по-прежнему не проронил ни слова.

— И? — удивился Цзин, собираясь подняться.

Но Цзи Ян внезапно наклонился, прижал его, и прежде чем Цзин успел сопротивляться, уже накрыл его своим телом.

Лето стояло знойное. В восточном зале Павильона Зеркального Сердца, что выходил на воду, лёгкий шёлк у окон колыхался от ветерка. Под окном, в узком кресле «Роза», сидел юноша. Длинное верхнее платье с него уже сняли, и светлое дерево хуанхуали оттеняло кожу, делая её ещё белее.

Прижавшийся к нему мужчина тоже был бледен, но на спине у него проступил пот. И чем сильнее он потел, тем плотнее прижимался к прохладному телу юноши.

Глаза Цзина затуманились, он смотрел на человека перед собой сквозь влажную пелену.

Мужчина встретился с ним взглядом, наклонился и поцеловал ещё безжалостнее.

Шёлк колыхался, вplывая в окно, а крошечные подвески из самоцветов на занавеси касались их кожи, словно щекоча, вызывая мурашки.

Цзин ничего не понимал, только чувствовал, как чешется рука, но зуд был не тот, что хочется унять. Да и всё тело будто охватило этим странным ощущением.

В прошлый раз, в брачную ночь, всё произошло из-за персиков Фанфэй, и многое он помнил смутно. А сейчас он переживал это впервые по-настоящему. Его руки обняли Цзи Яна, ладони ощущали лёгкую испарину на его спине. Должно было быть неприятно, но почему-то он чувствовал радость.

Цзи Ян тихо усмехнулся, поднял его и уже собрался отнести к ложу, как снаружи вдруг раздался голос Юнь Жун:

— Господин, перекусите чем-нибудь, служанка... — Голос Юнь Жун приближался, и Цзин очнулся.

Он открыл глаза, поднял голову, увидел лицо Цзи Яна, потом взглянул на себя.

Насторожился и услышал шаги Юнь Жун уже за ширмой.

Что он творит?!

Цзин чуть не заплакал от стыда и досады. Как он мог!

И это среди бела дня!

Юнь Жун вот-вот войдёт, и Цзин, не раздумывая, изо всех сил оттолкнул Цзи Яна, бросил надгробие и исчез.

Юнь Жун с улыбкой вошла, неся поднос. Её голос обогнул ширму:

— Господин, э-э-э... Ваше Высочество...

Юнь Жун замерла на месте. Князь Цзи Ян обернулся к ней — и лицо его было, что редкость, мрачным.

— Ваше Высочество... — Увидев князя в таком виде, Юнь Жун всё поняла. Но откуда ей было знать, что он здесь? Она принесла еду для господина Цзина! Каждый день в это время он обычно перекусывал.

Цзи Ян глубоко вздохнул, поднял с пола платье и, словно ничего не произошло, накинул на плечи. Затем стремительно прошёл мимо неё и удалился.

Юнь Жун осталась стоять, её лицо тоже залилось краской.

Она взглянула на надгробие господина Цзина. Она его уже давно не боялась — оно стало неотъемлемой частью пейзажа Павильона Зеркального Сердца.

Подумав о только что увиденном выражении лица князя, а затем снова глянув на надгробие, она вдруг прикрыла рот рукой и тихонько рассмеялась, подумав: «Интересно, сколько времени князю теперь придётся уговаривать господина Цзина, чтобы тот вышел?»

Лёгкой походкой она поставила поднос с едой на низкий столик рядом с надгробием, хлопнула в ладоши и, развернувшись, ушла, её юбка плавно колыхалась.

Итак, редчайшая возможность снова ускользнула.

В императорском дворце столицы третий принц Цзи Лань вышел из покоев императора с покрасневшими глазами.

В столице стояла жара, он был закутан в парадное одеяние в несколько слоёв, и не только глаза — всё лицо его пылало багрянцем, явно от духоты. Переступив порог, он пошатнулся. — Ой! — Евнух Чэнь тут же подхватил его. — Ваше Высочество, с вами всё в порядке?

Цзи Лань печально покачал головой:

— Со мной всё хорошо, но отец... Господин Чэнь, те слова, что мы только что слышали, знают лишь я, отец и ты. Я огорчил отца.

Что бы ни думал евнух Чэнь, на словах он тут же отозвался:

— Ваше Высочество, его величество тоже сказал, что это, вероятно, недоразумение. Он вам верит!

— Нет... — Цзи Лань действительно заплакал. — Мне стыдно. Я всегда был близок с девятым братом. Я не смог его правильно воспитать. Как же я надеюсь, что он исправится и вернётся в столицу! Я обязательно буду его лучше наставлять. Но я сделал недостаточно, позволил другим воспользоваться ситуацией, заставил отца беспокоиться, заставил...

Евнух Чэнь в душе сто раз пожалел: плачь, плачь! Перед императором ещё куда ни шло, но перед ним-то зачем!

Но ему пришлось тоже вытереть глаза — и он даже выдавил пару слёзинок, скорбно изрёк:

— Кто бы мог подумать? Вы все сыновья его величества, и он хочет лишь одного — чтобы вы все были здоровы и благополучны.

— Да! — Цзи Лань поднял голову и тяжело вздохнул. — Отец... — Глаза его закатились, и он потерял сознание.

Евнух Чэнь мысленно перевернулся неведомо сколько раз, но снаружи лишь с печалью и тревогой велел людям отнести князя в боковой зал, а сам послал за лекарем. Затем, снова набравшись слёз, вернулся к императору с докладом.

Выслушав, Цзи Цинь тоже глубоко вздохнул и спросил евнуха Чэня:

— Я, пожалуй, переборщил? Лань с детства был робок.

Евнух Чэнь не посмел отвечать на такие слова.

Цзи Цинь продолжил:

— Может, мне не стоило понижать его в звании? Лань прав: если бы он действительно замыслил недоброе, зачем бы он так поступал? Ведь нефритовая табличка легко подделывается.

— Эх, — Цзи Цинь покачал головой. — Я старею, а они... все растут.

Он поднялся:

— Ладно. Завтра ты вызовешь ко мне князя Ли и Линя Фу. Ступай, навести Лана и, когда он очнётся, проводи его до резиденции.

— Слушаюсь. — Евнух Чэнь поклонился и вышел. Линь Фу был министром Ритуалов, а князь Ли — главой Императорского суда. У императора настроение менялось каждую минуту, и неизвестно, какой указ они будут готовить завтра: восстановят ли княжеский титул девятого принца или понизят титул третьего? Евнух Чэнь мысленно цокнул языком и направился в боковой зал.

<http://bllate.org/book/15942/1425279>